

* * *

Международная научная конференция «Русская повесть как форма времени» и круглый стол, посвященный проблемам вузовской филологии.

14-15 октября 2002 г. в Томском государственном университете прошел ряд научных мероприятий, приуроченных к юбилею заслуженного деятеля науки Ф.З. Кануновой: Международная научная конференция «Русская повесть как форма времени» (материалы конференции изданы в одноименной книге: Русская повесть как форма времени: Сб. статей / Отв. ред. А.С. Янушкевич. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002) и круглый стол, посвященный проблемам вузовской филологии на пороге XXI в.

Русская повесть всегда была одним из основных предметов интереса Ф.З. Кануновой, основателя томской литературоведческой школы. Ее исследовательская трилогия о повестях Н.М. Карамзина, А.А. Бестужева-Марлинского и Н.В. Гоголя, как отмечает А.С. Янушкевич во вступительной статье к названной

книге, относится к числу классических литературоведческих работ, определивших сегодняшнее научное видение феномена повести.

Задача, которую ставили перед собой организаторы – представить сегодняшнее состояние изучения повести в отечественной и мировой славистике с четким осознанием истоков. В этом синтезе сегодняшнего дня и актуальной традиции реализуется концепт времени, заявленный в теме конференции.

Статьи, вошедшие в состав коллективной монографии «Русская повесть как форма времени», достаточно репрезентативно отражают современное состояние вопроса о природе и роли жанра повести. Помимо томских исследователей, продолжающих работу, начатую их учителем, Ф.З. Кануновой, в книге представлены труды литературоведов из Новосибирска (Е.К. Ромодановская, Ю.В. Шатин), Омска (А.Э. Еремеев, Е.А. Акелькина), Москвы, Екатеринбурга, Саратова, Коломны, Твери, Владивостока, Оренбурга, в том числе исследования Ю.В. Манна, А.И. Журавлевой, Г.К. Щенникова, В.В. Прозорова и др., а также зарубежных славистов (А. Глассе, США).

Но важнее все же не этот «пространственный» аспект, а время: разные моменты истории повести (от древнерусской до Ф. Горенштейна и Д. Галковского) рассматриваются учеными разных поколений. Категория времени (без потери, впрочем, и фактора «формы», поэтики) лежит в основе культурно-исторического метода, с которым связала свою научную судьбу Ф.З. Канунова. Именно в такой многозначности в названии конференции используется формула великого критика (отметим попутно и еще одно, сугубо человеческое измерение этой многозначности: сами юбилейные торжества, несомненно, связаны с феноменом времени, его особой жизнеутверждающей силой).

Повесть на конференции и в указанной коллективной монографии раскрыла себя и со стороны яркого факта (скажем, попытка реального комментария к тайнописи «Пиковой дамы» на фоне практики остроумия, двуязычного каламбура в русском свете той эпохи в работе А. Глассэ, США), и в контексте широчайших общетеоретических вопросов. В числе последних можно выделить два, благодаря которым разговор о жанре повести превращается в поиск решения проблем, предельно актуальных для всего современного литературоведения: во-первых, проблема повествования, нарратива и, во-вторых, вопрос о природе «становящихся» жанров, предполагающих отсутствие канона, сложнейшее взаимодействие между жанрами, между текстом и реальностью. Второй вопрос достаточно подробно изучался в контексте поэтики романа; и действительно, между повестью и ее «большим» жанровым собратом много общего (не случайно одной из специфических тем коллективной монографии становится русская *повесть в стихах*), но, вместе с тем, участники конференции подчеркивают самостоятельную, неслужебную и не вторичную роль повести, совершенно незаслуженно воспринимаемой в качестве такого жанрового «бедного родственника» – так продолжают размышления Ф.З. Кануновой, убедительно доказывающей в ряде своих работ важнейшее значение этого «провинциального» жанра в художественной системе новой литературы и недопустимость определения повести как чего-то вторичного и промежуточного [Канунова, 1967а; Канунова, 1967б и др.].

Помимо конференции, посвященной судьбам повести в русской литературе разных эпох, был проведен круглый стол по проблемам вузовской науки о литературе на пороге нового века. И если сравнивать круглый стол с уже охарактеризованной конференцией, то здесь, пожалуй, было важнее полифоническое пространственное соположение позиций, концепций, идей в срезе одного мгновения, в точке актуального настоящего. Как представляется, топология круглого стола заработала в полную силу: свое выражение нашла наука столичная и региональная, академическая и вузовская (классических университетов и педагогических), высказывались лингвисты, литературоведы и историки.

Получилась сложнейшая многокрасочная картина. Практически каждый факт современного бытия науки и культуры находил своих критиков и защитников.

Стенограмму этого научного мероприятия мы представляем вашему вниманию.

А.А. Казаков

Ф.З. Канунова, д.ф.н., проф., член-корр. РАЕН, засл. деятель науки РФ:

Имеются два важнейших направления, организующих нашу литературоведческую науку, – академическое и вузовское направления. Нет нужды говорить о том, какое значение имеет инициативная направляющая воля Академии, институтов ИМЛИ, ИРЛИ, Института филологии СО РАН и др.

Всячески подчеркивая эту роль и оценивая ее конкретно-историческое значение на протяжении последних XX и XXI веков, мы за нашим круглым столом сосредоточим внимание на роли вузовского литературоведения, тем более, что почти все ведущие академики-литературоведы были кровно связаны с вузами, а профессора – с академией наук: Виктор Владимирович Виноградов, он был наш ленинградец и москвич, Михаил Павлович Алексеев, Виктор Максимович Жирмунский, Борис Викторович Томашевский, Борис Михайлович Эйхенбаум, Григорий Александрович Гуковский. То же можно сказать и о наших сибирских академических ученых.

Роль вузовской науки о литературе особая. Мне кажется, что даже по трудам нашим можно определить, работал ли ученый в вузе или нет. И еще. Есть очень достойные труды – труды, которые движут науку. Но мы в педагогическом процессе как-то без них обходимся. А есть такие книги, которые появляются, и сразу очень высоко подымается планка преподавания. Я приведу только некоторые примеры. Мы очень хорошо знаем, какую роль играют работы Ю.М. Лотмана и как без них нельзя преподавать. Я бы очень хотела сказать о сидящих здесь товарищах: появилась работа А.И. Журавлевой об Островском-комедиографе, мы сразу взяли идеи этой работы.

Огромна роль самого процесса преподавания: лекций, спецсеминаров, работы с дипломниками и аспирантами, общение с молодежью – все это, конечно, отражается на науке непосредственно. Я очень хорошо помню, как в годы моего учения в Ленинградском университете мы были свидетелями того, как рождались талантливейшие труды Г.А. Гуковского, Д.Е. Максимова, Б.М. Эйхенбаума, М.П. Алексеева. Г.А. Гуковский буквально обкатывал на нас свои идеи, свои книги – «Пушкин и русские романтики», «Проблемы реалистического стиля Пушкина», «Реализм Гоголя».

У Г.А., наряду с массой других, была идея среды: что среда очень важна, что среда формирует. И вот я помню вопрос одной девушки, студентки: «Григорий Александрович, вот я живу в самом передовом советском обществе. Если среда – все, откуда у меня недостатки?» (*Смех в зале*). И Г.А. при всей его талантливости должен был задуматься.

Б.М. Эйхенбаум излагал нам идеи своих трудов о Лермонтове и Толстом. И Д.Е. Максимов тоже проверял на нас свои труды. Затем впоследствии и мы так поступали. Ведь правда же? Я и о себе так скажу: я идеи свои о романтической и о сентиментальной повести и идеи о романтизме вообще проверяла в спецкурсах, в спецсеминарах, и это мне было очень важно. И в процессе этого преподавания уточнялись мысли, в определенной мере усиливался диалогизм в стиле ученого. Это охраняло от догматизма. Это демократизировало научные концепции. И вообще нужно сказать, что постоянное присутствие преподавателя в живой молодежной среде во многом формирует его стиль. Вы с этим тоже, наверное, согласитесь.

Когда мы сегодня говорим о роли вузовского преподавания и научных школ,

следует вспомнить о некоторых общественно-политических акциях, которые насаждались властью в советские годы. Всем известно, как понизился тогда до неузнаваемости уровень наших университетов. Особенно столичных – ленинградского и – да простит меня А.И. Журавлева – московского после дикого поговиста борьбы с космополитизмом. Это, конечно, коснулось и провинции. Но следует сказать, что в провинции ученые были все-таки более независимы. Они свободнее могли передавать своим ученикам знания, излагать свои затаенные мысли. Достаточно сказать о Саратовском университете, который я знаю не понаслышке, потому что мы там два года жили с Ленинградским университетом, в эвакуации, о научной школе А.П. Скафтымова. В самые трудные для науки годы А.П. с высоким мастерством говорил, что было немодно, о нравственном пафосе русской литературы. До сих пор, например, скафтымовская концепция «Идиота» Достоевского, тончайший анализ этого произведения, анализ конфликтной структуры образа, проникновение в суть иррациональной стихии романов Достоевского нужны нам, а можно ли читать сегодня, продолжать думать о Толстом и особенно о Чехове без Скафтымова? Это блестящее умение он передавал своим ученикам – Е.М. Покусаеву, В.В. Прозорову, Ю.Н. Борисову и другим. Можно много сказать доброго о воронежцах, о новосибирцах, о Екатеринбурге (например, школа И.А. Дергачева, Г.К. Щенникова), вообще роль так называемой провинции в формировании вузовской науки о литературе значительна. Мне кажется, она сейчас увеличивается. И об этом впервые заговорил по-настоящему Н.К. Пиксанов. И это действительно очень правильно, и это сейчас налицо. И само определение – «провинция» – нельзя воспринимать негативно. Оно принципиально отличается от понятия «провинциализм». Может быть, значение провинциальных вузов в наше переходное время связано с тем, что мы далеки – я не скажу, что уж совсем далеки, но дальше от политической суеты, от стихии делячества, сферы «черного капитализма».

Нужно сказать, что многие наши ученые давно уже воспринимаются не как региональные, а как ученые российского и даже мирового масштаба. Это пушкинист Ю.Н. Чумаков. Это Е.К. Ромодановская, Е.И. Дергачева-Скоп, наши древники, это крупнейшие специалисты по Жуковскому А.С. Янушкевич, О.Б. Лебедева, Э.М. Жиликова – без их трудов уже нельзя говорить о Жуковском. Это школа ученых по Достоевскому – здесь В.Н. Захаров, Г.К. Щенников, Е.Г. Новикова и другие. Огромную роль в развитии вузовской науки играют конференции и тесные контакты ученых региона (Новосибирск, Томск, Алтай, Кемерово, Екатеринбург). Наши томские конференции по жанру раньше были очень представительны, когда не было столь затруднено передвижение в материальном смысле. К нам приезжали москвичи, петербуржцы. И мы раздвигали рамки, помогали в деле обмена научными знаниями. И самое здесь главное – то, что мы в процессе этих конференций пытались выработать оптимальные методы анализа художественного текста, ведь это самое сложное в нашей науке, будь то академическая или вузовская. Вузовский ученый имеет свою специфику: тот, кто не владеет анализом текста, не может читать лекции. Его слушать не будут. Потому что когда загорается студент? Когда он слышит, как слово писателя, поэта оживает в устах преподавателя.

Санкт-Петербургский, Томский, Саратовский, Екатеринбургский университеты сближает единая черта: верность историко-культурному и сравнительно-историческому методу. Ученые этих и других вузов демонстрируют неистощимую плодотворность этих методов. Неслучайно у их истоков были два таких Александра Николаевича, как Пыпин и Веселовский. Конечно, с тех прошло очень много времени, и сравнительно-исторический метод обогатился и обогащается новыми подходами, которые делают исследования методологически современнее и актуальнее. Все или почти все обратились к понятию текста, межтекстуальных отношений, мотивов и мотивных комплексов, функционирующих в разнообразных

контекстах, образующих собственный подвижный вариативный текст – все мы сейчас этим занимаемся и все это органично вошло в культурно-исторический метод. И вошло, потому что оно органично было заложено в этом методе.

Неслучайно этот метод существует более полутора столетий и демонстрирует свою неистощимость. Особенно это очевидно сегодня, когда мы стали все более и более ощущать тупики постструктурализма и деконструктивизма, с их иногда ничем не ограниченной свободой в отношении к художественному тексту, в результате которой пропадает высокий гуманный смысл творчества. И вот это тоже в процессе преподавания, как мне кажется, должно проявляться.

На формирование томской филологической школы по понятным причинам оказало преимущественное воздействие, конечно, петербургское литературоведение. Но складывались и складываются устойчивые наши связи с саратовской, новосибирской наукой. 10 конференций по проблемам метода и жанра сблизили нас и помогают до сих пор в выработке общих методов. Процесс работы над библиотекой Жуковского – это тоже очень важный момент, определивший во многом и стиль нашего преподавания. Потому что, во-первых, это была очень важная школа роста литературоведческого мастерства во всех планах, начиная от расшифровки текста, от его всесторонней атрибуции, введения в широкий историко-литературный русский и мировой контексты, и так далее. Этот труд сплотил коллектив, определил научные подходы к литературе не только тех, кто занимается Жуковским. Но я глубоко убеждена, что он повлиял и на тех, кто исследует и Достоевского, и Толстого, и Чехова. Наши исследовательские принципы сформировались в процессе изучения библиотеки Жуковского, и они органично вошли в суть вузовского преподавания. Они дали пищу спецсеминарам, определили пафос лекционных курсов. В последние годы, начиная с 1996-1997 годов, кафедра под руководством А.С. Янушкевича приступила к изданию 20-томного собрания сочинений Жуковского. И это тоже непосредственно отразилось на учебном процессе. Огромно внимание сейчас к истории, к творчеству, к тому, как создавалось произведение, эпистолярию, мемуаристике – все это, конечно, для всех понятно, но это все усилено в связи с издательской работой. Научная работа нашей кафедры и учебный процесс – органично взаимосвязанные процессы. И когда мы говорим о будущем, мы должны думать, что эти процессы должны все более и более сближаться.

Заканчивая свое выступление, я хотела бы пригласить всех поставить некоторые новые, современные проблемы вузовской науки. Я думаю, что нужно усилить интеграцию академической и вузовской науки. У нас, между прочим, был даже такой институт интеграции, он начал функционировать, но как-то заглох, может быть, стоит нам его оживить. Может быть, следует вузам активнее взяться – и вот здесь я тоже ставлю это как вопрос – наиболее сильные вузы могут активнее взяться за издательскую работу. Ну этим давно занимаются, конечно, москвичи, но из провинциальных вузов только, конечно, Петрозаводск, Томск и Саратов. Может быть, Новосибирск. Но, мне кажется, что издательскую деятельность нужно усилить, потому что издательская деятельность, как я уже говорила, чрезвычайно обогащает учебный процесс.

Е.К. Ромодановская, д.ф.н., проф., член-корр. РАН, директор Института филологии СО РАН, Новосибирск:

Я с восхищением слушала Ф.З., ее анализ современного состояния вузовской и академической науки – по преимуществу вузовской, о которой мы, сотрудники академических структур, знаем меньше, хотя и стараемся следить за происходящим в этой сфере и делаем вид, что представляем, что там делается. Университетская наука в России всегда играла величайшую роль – не только теперь, но и раньше, до революции: Казанский университет с его школой, Воронежский университет, Юрьевский (потом Тартуский) и т.д., – это было во все времена.

Я хочу воспользоваться случаем и сказать об особом месте Томского университета. На мой взгляд, мало университетов (за исключением Саратовского, Екатеринбургского, не говоря уж о столичных), в которых бы столь целно, а с другой стороны, столь разнообразно работал коллектив кафедры. Вузовский учебный процесс требует разных специалистов, и здесь труднее, чем в академической науке, собрать коллектив ученых, работающих над одной темой. Вопреки этому, Томский университет работает над изданием собрания сочинений Жуковского, причем это издание намного выше того, что делает, скажем, Петрозаводский университет: переиздание прижизненного собрания сочинений Достоевского подготовить проще, чем научное, на современном уровне, издание с учетом архивов, с учетом разночтений, вариантов и т.д. Фактически Томский университет взял на себя функцию академического института, готовя *академическое* собрание сочинений – основу для всех дальнейших изданий. Может быть, только Ленинградский университет, готовящий издание Лескова под руководством И.В. Столяровой, может стать в этот ряд.

Томский филологический факультет всегда играл роль объединителя. Ф.З. говорила о конференциях. Конференции Томского университета настолько важны для нас, что наш институт переносит сроки своих конференций в тот год, когда такие мероприятия запланированы в Томске. Мы понимаем, что в Томск поедут, а к нам нет: надо еще завоевать подобный авторитет наших конференций и изданий. Такого разнообразия тем и обилия участников, как в Томске, в Новосибирске не было, несмотря на все наши старания.

В связи с темой «Пути филологической науки в начале XXI века» я хочу сказать о своей области, о древнерусской литературе. В своем докладе о переводной русской повести я говорила, что именно переводная повесть наименее изучена. Я называла кодексы, такие как Патерики, Прологи, Великое Зерцало в XVII в. Но нужно говорить шире о проблеме переводной литературы: если оригинальные произведения более или менее изучены (летописание, оригинальная беллетристика, демократическая сатира), то переводная литература в значительной мере отстает в изучении.

Одна из главнейших задач, которая оформляется в этой связи: изучение древнерусской литературы в общеевропейском контексте. Без этого мы не сможем представить уровень древнерусской литературы. Я могу сослаться на ряд работ, например, профессора Томсона, бельгийского ученого, который регулярно в течение 20 лет пишет об отставании древнерусской литературы. Но современное исследование переводческой деятельности кружка архиепископа Геннадия в Новгороде в конце XV в. показывает, что переводчики активно используют новейшие филологические труды, которые только-только появляются в Европе: перевод Библии в кружке Геннадия сопровождается комментариями на полях, и источники этих комментариев не сводятся к тому, что было в латинском издании Вульгаты, а дополнен материалами современных европейских изданий. Переводчики Геннадия пользуются новейшими изданиями инкунабул, вышедшими буквально в течение 10 лет до их использования в кружке. Это во многом понятно: Новгород – это Ганзейский союз, а значит, прямой путь из Германии в Новгород – и новейших книг в том числе. Но в рамках истории литературы эта картина совершенно меняет наши представления о месте древнерусской культуры в европейском контексте.

Естественно, это меньше всего изучено – все это закрывалось для изучения как литература духовная: много переводилось церковных текстов, например, полемика Афанасия Александрийского с Арием, в это время изданная в Европе, произведения, связанные с Флорентийским собором и т.д., – все они еще требуют изучения. В отличие от новой литературы, древнюю литературу без церковных текстов не понять.

Но не только церковные сочинения должны быть на первом плане, но и свет-

ская переводная литература. Ленинградский историк А.А. Романова, занимаясь хронологическим предисловием к тексту Пасхалий, обнаружила текст так называемой Притчи о годе, который нам прекрасно известен по лубочной литературе: в рукописи XVII века указан латинский источник этой притчи. А в нашей науке идет спор о том, кто из писателей XVI века: Ермолай Еразм или Иван Рыков – создал эту притчу. Как оказалось, текст был переведен в геннадиевском кружке, а потом русифицировался.

Вопрос об иностранных источниках в древнерусской литературе (то, что свободно делается в новой литературе: французские источники Карамзина, влияние немецкой поэзии на Жуковского и т.д. – здесь это все открыто) еще тайна за семью замками – в связи с анонимностью, рукописностью древней литературы, когда источники не указаны.

Подобную работу мое поколение, по-видимому, уже не успеет сделать, потому что мы выросли на фоне разгрома школы Веселовского, когда действительно было и сокращение часов на иностранные языки (наше поколение очень плохо учило иностранным языкам), когда сравнительно-исторический метод был в загоне (хотя я на всю жизнь запомнила, как В.Я. Пропп рассказывал нам об ошибках Веселовского, что требовалось в то время после постановления 1948 года, и говорил, почему же его так долго не могли «разоблачить», в терминологии того времени: потому что Веселовский знал столько-то языков, он работал в таких-то областях, он работал над тем-то, тем-то – шел длинный перечень и вывод: нужна была работа нескольких институтов в течение нескольких десятков лет, чтобы разобраться в ошибках Веселовского, – таков был эзопов язык наших профессоров, который позволял нам понять суть того, что же происходило; мы выходили с великим уважением к этому ученому). Тут я хочу вернуться к вопросу об университетском образовании. Для того чтобы поднять ту работу, о которой я только что говорила, необходимо знание языков, которое может дать только школа и университет, знание древних языков, классическое образование, знание иноземных источников, потому что мы должны знать не только наш, русский, контекст, но и тот, откуда переводилось. Необходимо и знание среднегреческого языка для изучения византийских памятников, нужна средневековая латынь. Без этой базы наука дальше не двинется. И наоборот: без научной работы преподавание средневековой латыни невозможно.

З.И. Резанова, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общего и славянского языкознания и классической филологии Томского государственного университета:

Мне легко вступить в ваш диалог после слов Е.К. о необходимости знания классических языков, классического образования вообще.

Хочу поблагодарить Ф.З. за приглашение поучаствовать на заседании круглого стола, я очень рада, что сегодня оказалась здесь. А.С. Янушкевич говорил, что Ф.З. – это наше все; я хотела бы сказать то же самое, но по-другому, как лингвист: Ф.З. – наше слово, которое было в начале, и благословенно то дело, в начале которого была Ф.З. Она была и в начале нашей кафедры. Когда-то кафедра общего языкознания, славянской и классической филологии (*реплика присутствующих: славяно-греко-русская академия*) была одной из частиц кафедры русской и зарубежной литературы – и мы до сих пор несем на себе ответ Ф.З.

Я рада, что Ф.З. захотела, чтобы на этом круглом столе присутствовали и лингвисты. Наблюдая, как Ф.З. организует работу филологов на нашем факультете, я вижу, что это стремление к интегративности лингвистики и литературоведения в недрах матери филологии – это одна из отправных точек и в организационной деятельности Ф.З.

Лингвистика, языкознание, переходя из одного века в другой, меняет свою парадигму. Переход от XVIII к XIX веку – формирование сравнительно-исторического языкознания, XX век – временное его отрицание во имя структура-

лизма; переходя в XXI век, мы опять находимся в ситуации изменения взгляда на язык и на взаимоотношения с другими смежными науками. Мы еще на переходе, существует множество названий для того, что происходит; одно из таких названий – функционализм.

Существует концепция, по которой лингвистика колеблется между двумя концепциями языка: язык в себе (то, что так прекрасно сформулировал когда-то Соссюр: язык в себе и для себя, в отвлечении от говорящего человека, от культуры; только так, полагали в начале XX века, мы можем познать, в чем сущность его устройства) и говорящий человек. Суть перехода, который мы переживаем сегодня, отходя от соссюрианской парадигмы: гуманизация языкознания, возвращение к человеку, его индивидуальности. Язык теперь воспринимается не как некий конструкт (контекст соссюрианства), а как практика, язык в его осуществлении.

Поскольку меняется объект, меняется и методология языкознания. От формальных методов, структуралистских, мы переходим к другой методологической системе, главная характеристика которой – отказ от изоляционизма, который доминировал в нашей теоретической парадигме: язык сам в себе в отрыве от культуры, от человека. психики и сознания; внутри языка – отдельно фонетика. морфология, синтаксис. Сейчас мы осознаем единство языка. Это единство – текст, где мы, филологи, встречаемся и сотрудничаем. Для нас, лингвистов, это стало важным потому, что мы не говорим фонемами, лексемами и т.д. Мы порождаем текст в целостности составляющих его единиц. Прежняя дифференциация, структурализация языка методологически в современном языкознании невозможна.

Второй момент, важный сегодня при рассмотрении языка: анализ того, что детерминирует существование языка. Еще два важнейших направления в современной российской действительности – выходы языкознания за пределы самого себя – когнитивная лингвистика, рассматривающая, как структура языка обусловлена нашим сознанием, и культурологическое направление, направленное на исследование того, как структура языка определяется его существованием в контексте культуры того народа, в которой он существует. Это та динамика, которую переживает и мировое языкознание, и российское, и, безусловно, томские и вообще сибирские лингвисты.

И мне представляется, что особенности нашей томской лингвистической школы заключаются в том, что для нее переход к «гуманистическому» языкознанию не был столь драматичен, потому что объектом ее описания всегда были диалекты, что предполагало погружение в культуру, в текст, порождаемый отдельной личностью. Но, тем не менее, думаю, мы можем даже в трудах моих коллег с кафедр русского языка увидеть эту динамику. Мы видим, как создается словарь диалектной личности, все языковое воплощение знаменитой нашей Веры Прокофьевны Вершининой, которую теперь знает вся страна; Т.Б. Банкова работает над словарем русского обряда, Ю.А. Эмер и И.В. Тубалова работают над словарем сибирского русского фольклора. Такой словарь может быть создан только погружением в культуру.

Помимо такого выхода в культурологию важно и другое. Раз мы занимаемся текстом, мы не можем существовать вне собственно филологической трактовки текста, не возвращаясь к традиции А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа, о которой Е.К. говорила сейчас. Без этого просто невозможно никакое культурологическое лингвистическое исследование.

Мне хотелось еще сказать, что мы вместе с кафедрой русской и зарубежной литературы и СО РАН провели пробный проект интегративного исследования – в прошлом году мы провели молодежную школу: «Картина мира: Язык. Философия. Наука». Мы затронули вопросы моделирования мира в языке, отражения в языке и текстах особенностей мировидения. Мы устраивали секции таким образом, чтобы встретились философ, литературовед, лингвист.

Работа такого уровня идет на факультете, в том числе на нашей кафедре, которая есть одна из интенций Ф.З. И главный проект, осуществляемый кафедрой самой Ф.З. – исследование Жуковского – осуществляется именно по такому типу; здесь соединяется литературоведы, лингвисты, специалисты по древним языкам, изучается влияние античной культуры на творчество Жуковского. Под совместным руководством Ф.З. и Г.А. Чупиной были выращены такие замечательные исследователи, как М.А. Янушкевич и С.Ю. Макушкина, ныне сотрудники нашей кафедры, – это тоже говорит о некоей интегративности.

Ю.В. Шатин, д.ф.н., проф. Новосибирского государственного педагогического университета:

Я думаю, что существует и другой аспект этой темы, аспект, связанный с теми внешними обстоятельствами, которые способствуют или, наоборот, препятствуют развитию как филологической науки, так и гуманитарного образования вообще, будь то в системе классических университетов или в педагогических – и даже политехнических.

Мы живем не просто в трудное время, но и во время лукавое. И лукавство нашего времени заключается в том, что диктатура пролетариата сменилась диктатурой денег. И хотя диктатура денег лучше, чем диктатура пролетариата, но она не является ни путевкой в царствие небесное, ни тем трамплином, который помогает осуществлению человеческой свободы и тех высших духовных ценностей, ради которых мы существуем.

Здесь сразу встает целый комплекс проблем, когда нам приходится выбирать между абсолютным и относительным злом и как-то реагировать на ту ситуацию, которая происходит. Я думаю, что основное противоречие, которое сейчас выявляется внутри образовательных систем, – противоречие между фундаментальным и операциональным знанием. Потому что, с одной стороны, университеты много сделали в области фундаментального образования (об этом уже говорили Е.К. и З.И.), это позволяют их учебные планы (возьмем для примера планы Томского, Саратовского, Екатеринбургского, не говоря уж о столичных университетах), – в педагогических университетах это невозможно уже на уровне учебных планов. С другой стороны, мы сталкиваемся с тем, что многие выпускники классических университетов оказываются в большей мере неподготовленными к операциональной деятельности, нежели выпускники педагогических университетов. Не буду далеко ходить за примерами: на пятой школе по коммуникативным стратегиям культуры, которая каждый год проводится в Новосибирске, – там собираются лучшие аспиранты и молодые преподаватели – были предложены тестовые задания по логатизации стиха. Многие выпускники, аспиранты Московского, Санкт-Петербургского и других университетов просто не смогли справиться, хотя для выпускников педагогических институтов это оказывается сравнительно легким.

Этот баланс абсолютно необходим в системе образования.

Более сложная проблема, носящая, так сказать, философский характер: как примирить духовное и материальное? С одной стороны, мы учим наших выпускников духовности, но, с другой стороны, мы берем на себя очень большую ответственность, потому что видим, как люди, высоко духовные, высоко образованные, выходя из стен университета, оказываются неспособными устроиться в этой жизни и оказываются в положении если не за гранью нищеты, то, во всяком случае, на грани бедности. Мы тоже, видимо, не можем это так оставить. Все больше вопросов возникает у наших учеников, студентов, на которые мы должны ответить. Мы всегда отвечали за то, что мы преподаем, как преподаем, но мы как-то всегда забывали, зачем мы преподаем. Вот этот вопрос «зачем?», вопрос прагматического измерения высшего образования тоже должен стать частью новой идеологии высшего образования.

Если говорить в самом общем виде, то будущее высшего филологического

образования представляется в сочетании фундаментального образования, операционального подхода и прагматического измерения. Открытое общество в нашей стране мы не построим без соединения ума и капитала – и только в том случае, если мы предложим капиталу определенные технологии, мы можем рассчитывать, что образование поднимется на новую ступень, потому что даже самые богатые государства мира сейчас не могут гарантировать того высокого стандарта образования, который был в условиях, скажем, царской России, когда было пять или шесть университетов. В условиях массового образования, когда каждый город открывает муниципальное высшее учебное заведение, этого сделать невозможно. Вот почему я думаю, что и эта проблема в качестве дискуссионной тоже может подлежать обсуждению.

Ф.З. Канунова: Очень интересно и очень грустно. Особенно для тех, у кого уже солидный юбилей.

Ю.В. Шатин: Нам-то что грустить, мы уже много сделали. За молодежь можно грустить.

Е.К. Ромодановская: Молодежь должна сама решать. Ей жить, ей устраивать свое место.

Ю.В. Шатин: Когда аспирант по ночам диссертации пишет, а днем торгует в магазине – это не лучший способ написания диссертации.

Ф.З. Канунова: И все-таки они пишут прекрасные работы, а Вы очень хорошо их оппонируете.

Е.К. Ромодановская: У меня ощущение, что если человек торгует, а по ночам пишет, у него существует потребность писать, он без этого жить не может. Значит, это человек, который нам нужен. Это своего рода естественный отбор. Да, жестокий, как никогда жестокий. Но у меня ощущение, когда видишь сильную молодежь, которая уже с другим образованием приходит, можно достаточно оптимистично смотреть в будущее.)

Ю.Н. Чумаков, д.ф.н., проф. Новосибирского государственного педагогического университета:

Мы обсуждаем здесь фундаментальные проблемы, хотя они могут проходить через вполне конкретные вещи. Когда я слушал Ф.З., я думал о том, что некоторые идеи ей особенно близки в силу того дара, который в ней присутствует. Неслучайно, я думаю, она считает максимально важным постоянную близость преподавателя к студенческой среде в процессе обучения. Это действительно трудно переоценить. Но это достигает своей цели, когда возникает такая окказиональная ситуация. Ф.З. может с полным правом говорить об этой проблеме, но ведь ее провозглашение не означает, что это можно так легко выполнить. В процессе общения могут возникнуть вещи, которые постепенно намеренно выветриваются.

Я имею в виду переход человечества в электронный виртуальный мир. Конечно, оно еще не окончательно туда перешло, но тенденция к этому существует. Вполне возможно, что мы находимся на таком гребне, на перевале, который в свое время был упомянут в известном романе Гюго «Нотр Дам де Пари». Там есть трактат о том, как книга убьет здание. В настоящий момент мы переживаем другой конец этой проблемы, когда электронная машина будет убивать книги, вбирая их в себя, делая из книг гипертексты. Непосредственная близость человека к человеку будет стираться.

Я помню эпизод, который описал современный философ В.А. Подорога, когда он и его близкий круг решили послушать еще раз одну из видеозаписей их любимца и учителя Мераба Мамардашвили. Все это было проделано, они услышали и увидели, но возникло странное чувство, как будто чего-то не хватает. Был облик учителя, были все слова, записанные и произнесенные, но чего-то нет. Этим примером В.А. Подорога аргументировал важность и значительность «телесного» дискурса, как они это называют.

Как бы это ни называли, это очень важная вещь, и ее утрата будет драматичной для культуры в целом. Книга заменила здание и скульптуры, книгу тоже можно заменить. И каждый раз неизбежно что-то теряется. И раз уж мы находимся в рамках какой-то традиции, нам нужно эту традицию соблюдать до конца и отстаивать те вещи, к которым мы приучены и которые давали определенный результат.

Для меня главным в филологической науке является обращение к поэтическому тексту. Но это не значит, что я должен танцевать вокруг него. Ф.З. говорила о так называемой обкатке научных идей в преподавании. Интересно, что в течение многих и многих лет, почти до самого конца моего преподавания, я, наоборот, избегал этого. На конференции – да, здесь – нет. И даже как-то не мог выносить, когда мои идеи воспроизводили в экзаменационных ответах. Мне это не подходило.

И лишь в самые последние времена, когда я вышел за пределы привычного пространства («Евгений Онегин»), и меня стали занимать другие темы, оказалось, что студенческие интересы, их темы, вопросы, недоумения, вызывают у меня научную реакцию, когда мне хочется что-то сделать в этом направлении, углубить, развить. Слабая студентка подтолкнула меня к пересмотру «Выстрела»: я перечитал повесть для нее, чтобы что-то ей объяснить, и неожиданно натолкнулся на то, что было необходимо описать, а именно: присутствие фуражки Сильвио в последнем эпизоде, которой реально не могло быть, а художественно и композиционно должна быть обязательно. Такое взаимодействие было у меня с учебным процессом.

Теперь, после этого случая, когда у меня есть идеи по поводу чеховского «Гусева», «Станционного смотрителя» или – совершенно случайно – «Золотого петушка», чем я раньше не занимался, и я немедленно начинаю их прорабатывать. Причем не от себя, а вместе с ними. То, что я знаю во всех тонкостях, например, «Евгения Онегина», мне сегодня не интересно, а вот то, в чем я чего-то не знаю – настолько интересно, просто изумительные занятия выстраиваются.

А.И. Журавлева, д.ф.н., проф. Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова:

Я опасаясь, что я понижу высокий теоретический уровень нашего разговора, потому что я хочу коснуться вопроса о соотношении университетской науки и образования. Для нас стала общественно актуальной проблема реформы образования, о которой столько говорят и которой здесь коснулся Ю.В.

Ю.В., я хочу отреагировать на Ваше выступление. Вы говорите важные вещи: что гуманитарное образование оставляет наших выпускников наедине с проблемой выживания, как принято говорить. Я должна сказать, что это личный нравственный выбор человека: быть счастливым или быть хорошим. И родительский тоже: чего ты хочешь от своего ребенка. Тут уж каждый выбирает для себя.

И второе: Вы рассказали, как ваши выпускники успешно справились с тестом, а университетские нет. Притом, что сами учились в Ленинградском университете. В связи с этим я хочу вспомнить случай из нашей московской университетской практики. Наш безвременно погибший ректор Хохлов (а такие рассуждения были и в советское время: университеты готовят неизвестно кого, люди приходят и неизвестно что с ними делать) заказал немодное тогда социологическое исследование. В течение 5-6 лет следили за выпускниками. Выводы были такие: когда выпускники университета приходили в практические сферы, они оказывались слабее выпускников инженерных вузов. Но через пять лет выяснялось, что выпускники технических вузов, владеющие набором конкретных умений и технологий, так при этих умениях и остались. А наши способны были приспосабливаться и осваивать новые пути – в том числе в технологии.

Вы лично, Ю.В., являетесь собой яркий пример приспособляемости, которую фундаментальное образование может подкрепить. Это, конечно, налагается на

определенные черты личности, но фундаментальное образование потому и важно, что дает возможность и умение находить новые пути. Это главное, что мы должны стараться вырабатывать в своих студентах.

У меня две основных фабулы моего выступления.

Некоторые соображения об особом положении вузовской науки. Она двойственна по природе: с одной стороны, она должна быть собственно наукой, а с другой стороны, она должна быть фактором устойчивости и уважения к существующей традиции. В этом ее стабилизирующий смысл для общества. Почему я и говорю, что мое выступление собственно публицистическое.

Вузовская наука должна сохранять представление о том, что наука конкретного дня и исторического момента стоит на плечах предшественников, и это сохранение научной традиции очень важно. И в нашей области вузовская наука есть также и история науки. Тут есть определенная разница между естественными науками и гуманитарными. В естественной науке последующие этапы в значительной степени поглощают предыдущие. В гуманитарной науке это не так, и прежде всего потому, что у нас объект – искусство, и в самом объекте нет этого поглощения. Как бы ни был замечателен последующий поэт, он не отменяет достижений своих предшественников. Именно гуманитарное образование дает понимание того, что и в естественных науках это не полностью так.

В своей жизни я была очень близко связана с физиками, очень одаренными и талантливыми: например, мой дядя, который все свои работы начинал с того, что просматривал старые журналы. Он говорил о дикости современных физиков, которые считают, что книга, скажем, 1946 года уже не может сохраняться в библиотеке, потому что теперь уже все другое. Он говорил, что человеческий разум прогресса не знает и что античные люди по силе интеллекта ни в чем не уступали последующим поколениям. В том числе и в старых естественнонаучных работах есть идеи, которые технологически невозможно было подкрепить экспериментально, поэтому они остались тупиковыми, а вот сейчас, когда технология дает возможность экспериментального подтверждения, эти мысли могут быть реализованы. Но это был человек с глубоким гуманитарным образованием, и люди того поколения, в том числе знаменитые университетские ученые, например, А.Н. Колмогоров, были гуманитарно просвещенными людьми. И они создали знаменитую математическую школу Московского университета, признанную во всем мире.

Ю.В. Шатин: Колмогоров и в стиховедении себя проявил.

А.И. Журавлева: Я слушала лекции Колмогорова, и он говорил как раз, что математические принципы в стиховедении могут быть применимы ограниченно, этим поколением притязания естественных наук на исключительную научность не признавались. Я помню пример, который приводил Колмогоров: когда вы смотрите в даль и видите животное, вы сразу понимаете, что это кошка, а не собака; пойдите и опишите это математически!

Теперь я хотела бы сказать о литературоведении и его особом сегодняшнем положении. Конечно, мы переживаем период методологической растерянности, и это совершенно понятно. И выражается она очень наивно. Исчезла очень жесткая, хорошо разработанная методологическая конструкция, которая, с одной стороны, закреплялась властью, но, с другой стороны, развивалась трудами выдающихся филологов (скажем, работа Б.М. Эйхенбаума о ленинской теории отражения) – и я это говорю отнюдь не в упрек. Я просто хочу напомнить, системность знания выдумана не марксистами (я пока говорю о нашей науке, о России), это родовая черта русского знания XIX века. Это не изобретение россиян, здесь, понятно, было влияние немецкой философии, но всякое влияние попадает на почву и там видоизменяется. Я бы сказала, что это ментальное свойство нашего характера. Крушение этой единственно верной методологии привело к тому, что мы бросились бы-

стро переводить, читать то, чего мы были лишены: прежде всего постструктурализм, французская лингвистическая философия и другие явления. И, довольно бестолково смешивая разные системы, нахватывая направо и налево разную терминологию, которая вызывала смешение имен и концепций, вызвавшее бы изумление у авторов, – это, впрочем, тоже в нашем духе: в XIX веке, вы не дадите соврать, это тоже было.

С другой стороны, отказ от марксистской идеологии привел к простому выворачиванию наизнанку и к отказу от идеи системности и процессуальности в культуре и искусстве (другое дело марксистская идея прогресса). Тем не менее, представлять себе мир как некое состояние неопределенного хаоса, в котором, так сказать, болтаются отдельные явления, никак между собой не связанные, тоже не верно. Наверное и здесь предстоит обретение некоего единства, каким оно будет, видимо, предстоит увидеть нашим ученикам.

Что касается опасений Ю.Н. Чумакова. Ю.Н. глубоко говорил о трагической ситуации смены культур на рубеже, на котором мы стоим. Но я думаю, что все-таки нельзя сказать, что книга отменила здание. Нам ведь вняты архитектурные сюжеты прошлого – они заняли свое место. Умберто Эко очень просто ответил на вопрос, уйдет ли книга: нет, сказал он, Интернет книгу не заменит, потому что с ним нельзя лечь в ванну. Он сказал умно, хотя и легковесно: могут выдумать Интернет, с которым можно лечь в ванну – но я думаю, что все же это так: книга вернется. Вопрос: когда? Мы, современные филологи, попали в драматичную ситуацию, когда мы имеем абсолютно других поступающих: людей абсолютно не начитанных и даже не представляющих, что читать можно просто так: не по программе, не к уроку, не для поступления в вуз, а просто так, для удовольствия.

Здесь мы подходим к вопросу о реформе образования, о стандартах и прочем. И начать, я думаю, надо с начальной школы: множество учителей в нашей стране в один голос говорят, что современные восьмиклассники читают по складам. Речь идет о тех, у кого нет книги дома, в быту. Школа не может научить читать так, чтобы для учеников чтение не составляло труда – сам процесс чтения. И понятно, что для них это некая обязанность, а не удовольствие. Повсеместное увлечение компьютеризацией, которое пришло к нашим детям прежде всего в форме компьютерных игр, разрушительно. Один из директоров школы, сам программист, всегда начинает с того, что родители должны ограничить пребывание детей у компьютера, потому что оно разрушает так называемое мышление долгого дыхания и развивает клиповое мышление и дискретное восприятие мира, а это интеллектуальная деградация человечества – если не научиться относиться к этому как к инструменту, а не как к идеологии.

Мне кажется, что мы переживаем только зарю электронного мира. Это техника будущего в том смысле, что только в будущем она будет техникой. Пока она нами руководит, хотя ее задача – быть инструментом. Я надеюсь, что это время пройдет.

Еще один сюжет. Мне пришлось стать участницей нескольких круглых столов по поводу образования, которые проходили на базе Высшей школы экономики, которая считается оплотом либерализма, и тон там задавали политизированные экономисты, которые говорили о необходимости более широкого гуманитарного образования для достижения прямых результатов в экономике. Они привели пример: уроки дефолта. В результате дефолта выжили не самые богатые олигархи, а самые образованные (например, М.Б. Ходорковский). Общая гуманитарная культура дает гибкость мышления, возможность неординарного подхода и т.д., хотя сам М.Б. Ходорковский, будучи участником этого разговора, много говорил об операционной стороне знания, о нацеленности на успех. Меня во всех этих разговорах поразило одно: почему эти люди, желающие построить нетоталитарное общество, говорят о реформе в столь тоталитарных тонах и хотят одного типа об-

разования. Я считаю, что как раз множественность типов образования – то, к чему надо стремиться. Должны быть школы, училища, техникумы, дающие операциональное знание. Но необходимы и классические университеты. Все эти либералы, когда они начинают рассуждать, опираются на нашу литературу, очень уместно ее цитируют. И я им говорю: если выйдут школьники, выструганные по этому новому стандарту, кто будет носителем этого высокого – это исчезнет.

Мы должны защищать наше фундаментальное образование. Притом, что и технологии нужно осваивать, хотя бы потому, что при современной бедности вузов и библиотек, при бедности ученых происходит полный распад культурного пространства России. Раньше ничего не стоило приехать в Томск, и это не означало отказаться от годовой зарплаты, и это очень существенно. Это может быть восполнено современными технологиями, интернетом, интернет-библиотеками и т.д. Это действительно очень важные инструменты, которыми нужно овладевать. Это тот случай, когда техника будет инструментом в руках людей.

Э.Л. Львова, к.и.н., доц. исторического факультета Томского государственного университета:

Сегодняшнюю ситуацию я сравниваю с драматическими обстоятельствами нашего прошлого – с тем, что переживалось нами в детстве и юности. Крошечной тогда девочке, казалось бы, не осталось уже места в историческом культурном пространстве страны, в которой она жила. И то, что мы сегодня можем говорить о школе, о направлении, об огромном количестве учеников, последователей, говорит о том, что история, конечно, не прогресс, но эволюция. И эволюция, в ее первоначальном значении, это все-таки движение по кругу. Эволюцию прогресса выдумали позитивисты. Их верные последователи – представители марксистского вероучения. Но при всем при том, я хотела бы сказать, что теперешнее состояние российского общества, да и мирового во многих смыслах, обещает нам эсхатологию, может быть, более зловещую, чем та, которую пережили наши дедушки и бабушки. Хотя состояние культурной опустошенности у них было, наверное, очень острым. Я применительно к самой себе очень часто возвращаюсь к вероятному историческому опыту моих собственных предков. Когда, казалось бы, было потеряно все. Но живое имеет огромную силу восстановления. Приведу пример этнографический. Из школьного курса известно, что последняя тасманийка умерла в 80-х годах XIX века. В современной Австралии есть более 100 человек, которые считают себя сейчас потомками тасманийцев.

И все-таки, возвращаясь к современности, я хотела бы поставить проблему, которую сама ощущаю очень остро, и думаю, что это наше общее ощущение. Наше общее сопереживание. Я думаю, что мы в какой-то степени оказались в ситуации резервации. Что мы больше всего говорим для самих себя. И что надо сетовать не на то, что ограничились возможностью нашего профессионального общения, а на то, что продукт этого общения гораздо менее востребован обществом, чем это было прежде. Я хотела бы сказать также о том, что особенно касается филологических смыслов культуры: произошло то, что Август Шлейхер назвал «обратной метаморфозой языка». Идет колоссальное упрощение и уплощение всех языковых и культурных смыслов. Может быть, потому, что они стали максимально доступны и воспроизводятся на уровне птичьей речи, механического повторения новой терминологии, новых понятий. Без их душевного и духовного проживания.

Я думаю, что сегодняшняя встреча филологов не должна остаться встречей за круглым столом. Круг ведь, вообще-то, фигура замкнутая. И выхода почти не дающая. Я думаю, что речь должна идти о том, что ситуацию полного предательства языковой культуры нужно каким-то образом менять. Это настоящее предательство. Нормативная речь теперь уже звучит только в такой аудитории. Но если вы выйдете в коридор университета, в рошу, на остановку, то здесь же из уст на-

ших воспитанников мы услышим только ненормативную речь. Больше ничего. Двоемыслие, которое мы считали отрицательным достоинством тоталитарного мира, в языковом смысле стало сейчас тотальным. Это гораздо более тяжелый гнет, чем те эпизоды драматического нашего существования, которые предшествовали наступлению этих времен.

Я не верю в то, что тоталитаризм денег легче, лучше, больше дает возможностей для выживания человека думающего, читающего, чувствующего. Мне кажется, что теперь уход в литературную традицию стал похож на уход в монастырь и становится делом глубоко личным, никак не отражающимся в общественной рефлексии, в общественных смыслах. Конфуций сказал: перемените язык – переменится общество. Наш язык переменился так, что надеяться на общество, в котором он господствует, невозможно. И невозможно, наверное, нам оставаться в позиции людей, которые профессионально, толково, с большим чувством и пониманием обсуждают эти проблемы. Языковое насилие господствует над нами постоянно, на улице, в обществе, в газетах, в других средствах передачи информации. Это страшнейшее насилие. Это гораздо более глубокое промывание мозгов, чем было прежде, потому что прежде оно хотя бы ограничивалось, как это называется, внутренней и даже внешней критикой. За нарушение, за словесные огрехи наказывали очень сурово те, кто был допущен до средств информации.

Я, конечно, хотела бы сказать о том, что пределы интеграции наверное не должны ограничиться чисто филологическим сообществом. Я воспринимаю как трагедию ситуацию в разделении исторического и филологического факультетов. Ничего более бессмысленного не могло произойти. А сейчас ведь исчезли даже слабые попытки ввести какие-то филологические структуры в историческое, философское и всякое другое образование, теперь таких курсов нет. Разве у нас читают? Литературу читают?

(Возгласы в зале: читают!)

Ну, культурология – это приватизатор всех наук. Это несерьезная наука.

(Шум обсуждения.)

Я не знаю, как жить в обществе и как считать себя человеком, профессионально выполняющим свой долг, если мы в сущности позволили тому совершиться, чтобы звучала на радио и ТВ адаптированная к сознанию буквально микроцефалов эмоция, лексика, мимика и все остальное. Но мы ведь приняли все это, затворившись в пределах канала «Культура», который тоже не чужд этих же смыслов. Молчаливое меньшинство – вот кто мы сейчас. Мы ничего не говорим об этом, практически. Это не юбилейные речи, я прошу прощения. И я все-таки надеюсь, что какова бы ни была наша личная судьба и судьба нашего общества, в любом случае нам все равно предстоит чинить калитки.

Ф.З. Канунова: Я хотела бы все-таки, Элеонора Львовна, у Вас спросить. Все, что Вы сказали, правильно: наша культура, умение мыслить, говорить – все это так. Но тема все-таки наша была сегодня – проблемы вузовского образования. Вы от этого отошли. А это был очень важный вопрос. Вы действительно представьте себе – читаем Толстого, Достоевского, Чехова, – мальчикам и девочкам, которые нас слушают, записывают, потом мы выходим в коридор и слышим мат. Как нам реагировать? Как вообще это предупредить – ведь это вопрос!

Либеральное мышление современности не позволяет исключать студентов, сквернословящих в стенах университета. Я бы это делала. Но это не выход.

(Бурная дискуссия. Предложения – запретить это и брать с них штраф.)

Ф.З. Канунова: А вы говорите – откуда деньги брать.

Э.Л. Львова: Я хочу ответить. Фаина Зиновьевна, я думаю, что общая это наша участь – продолжать оставаться в резервации культуры. И я в самом деле не имею ответа. Не знаю, как ответить на ваш вопрос. Но я думаю, что наша проблема серьезнее, чем та, которая стояла перед российским сообществом, которому

лет сто.

Э.И. Худошина, к.ф.н., проф. Новосибирского государственного педагогического университета:

Я хотела бы сказать несколько слов в качестве реплики. Мой лозунг – образование невозможно, да здравствует образование. Как я понимаю, ситуация катастрофическая на самом деле всегда. Это вопрос о сложности человеческой психологии.

Два слова о том, что мне кажется очень важным в нашем деле. О том, что говорила Э.Л. То катастрофическое ощущение, которое у нас есть, конечно, более или менее общее. Потому что действительно сменилось очень многое, сменился способ образования, и многое из того, что было злыми семенами, тайно посеянными в прежние времена, возшло сейчас. Одним из таких страшных моментов является привычка школы не к мышлению, не к понимаю, а к изображению знания прежде всего. То есть привычка к запоминанию каких-то вещей, к пересказу, и установка на то, чтобы говорить, скажем так, «чего изволите». Во всех смыслах. Из-за этого возникает очень много злых моментов в нашем преподавании, в частности в писании курсовых, дипломных работ и тому подобное. Когда мне говорят, что трудно понять, написал ли ребенок сам работу или нашел ее в Интернете или списал откуда-то еще, я этого не понимаю. Потому что, слава Богу, мы имеем возможность общаться глаза в глаза с нашими студентами, и мы прекрасно видим, когда мысли этого ребенка и все, что излучает его личность, не похожи на других. Иногда это довольно трудно определить, но в любом случае возможно.

В связи с этим я хотела бы сказать вот какую вещь. У нас есть очень важная антиномия в научной вузовской работе. Наш студент должен сделать какое-то открытие. Без этой новизны невозможно возрастание какое бы то ни было. Но очень часто мы сами путаемся и думаем, что это должна быть новизна с точки зрения науки. Она в принципе возможна, но смешно было бы говорить о парочке миллионов ежегодных выпускников, что они делают научные открытия. Разумеется, это открытие личное. И поскольку задача наша общая – воспроизводство культуры, нам нужно, чтобы человек прошел некие ступени, и мы оцениваем то, каким человек к нам поступил и какой путь он прошел. Возрастание некоего внутреннего духовного уровня, понимание того, что некий путь пройден – это главное, чему мешает школьное образование. Школьное образование не приучает человека к пониманию. Когда нам дают некий результат, кажется, что некая школа была пройдена, потому что наши студенты очень хорошо научились имитировать, и часто оказывается, что они не владеют элементарными привычками понимания. И это влечет к нашей самоотверженной работе, работе с каждым отдельным человеком.

А вообще я хотела отозваться на проблему перевода. Мне кажется, это очень глубокая идея, высказанная Е.К. Ромодановской, потому что многие вещи в русском историческом процессе могут быть поняты совершенно иначе, если иметь в виду переводную литературу, потому что вершинные произведения литературы творили люди, читавшие на языках. И они же, как Жуковский, переводя, одновременно творили русскую культуру как европейскую, русский язык литературный. Но когда настала, скажем, середина XIX века, то появился демократический читатель, тот читатель, который не знал языков, который читал переводные тексты. В этой гуще, в массовой культуре зарождается многое из того, что потом выходит на какие-то другие уровни, и здесь громадное поле исследований, необычайно интересное. Ну скажем, как вопрос о том, что Гамлет для зрителя спектакля, где играли знаменитые актеры, – это не тот Гамлет, которого знаем мы. Не Гамлет Пастернака, и не Гамлет Шекспира, – а Гамлет вот этого переводчика.

Эти вопросы, мне кажется, по-настоящему не поставлены с тех пор, как при Союзе писателей перестала работать секция перевода; теоретического осмысления

перевода – нет. А между тем русский читатель, даже и очень высокого уровня, это во многом читатель переводной литературы. Достаточно почитать Татьяну Толстую, которая очень сердито, злобно и остроумно изображает себя как читателя хороших текстов, которые у нее назывались «русские тексты», потому что, разумеется, Дефо был русский, а все, что заставляли читать на другом языке, были противные авторы. И это был тот же Дефо, но уже на английском языке.

Я хочу просто воззвать, вскрикнуть, поставить знак восклицания – у нас происходит просто катастрофическое уменьшение часов на зарубежных кафедрах, и как выяснилось, у нас совершенно исчезли преподаватели зарубежной литературы и их негде найти. Совершенно. И при этом нужно понимать, что наши студенты читают так называемую зарубежную литературу как факт русской культуры, потому что они читают, разумеется, переводы.

И второе, что меня приводит в ужас: наши студенты приходят из школы абсолютно необразованными исторически. Если спросить их, скажем, в каком году Екатерина – да что Екатерина, Пушкин когда родился! – абсолютно невозможно. В том числе на вопрос – кто такой самозванец? – они отвечают – предводитель! Потому что они знают слово самозванец исключительно по «Капитанской дочке», а про «Капитанскую дочку» всюду написано: это замечательный Пугачев, который предводитель восстания был! И по этой причине самозванец – предводитель!

В.Н. Алексеев, к.ф.н., проф. Новосибирского государственного университета:

Я удивляюсь прозорливости устроителей этого мероприятия. Надо сказать, что есть одна особенность, которая прослеживается эти два дня: мы присутствуем на торжествах в честь Ф.З., и она пронизывает все. Это не только ее собственные выступления с глубокими мыслями, но мысли Ф.З. встречаешь во всех речах, которые звучат в течение этих двух дней. Мы включены эти два дня только в томское бытие, я думаю, что в стенах этого университета этой идеей пронизано все существование, по крайней мере, в гуманитарной части это очевидно. Совершенно очевидно. И вот действительно, все те проблемы, все те аспекты, которые затрагивались на этом круглом столе, трогают всех нас. Всех волнуют в той или иной степени. Вот я – мне было определено с Е.И. Дергачевой-Скоп говорить на конкретную тему на этом столе. Но практически все аспекты затронуты в выступлениях предыдущих коллег, и поэтому нам или повторяться, или что-то говорить касающееся не совсем непосредственно выделенной темы. И Ф.З. Канунова говорила об этом. И Ю.Н. Чумаков говорил о близости преподавателя к студенческой среде. Но эту тему можно, заострив, продолжить и посмотреть на эту проблему с той точки зрения, насколько сегодня и преподаватели, и студенты приближены к источнику гуманитарного знания, к книге. То, что говорила А.И. Журавлева, рассказывая о людях, которые, приходя в университет, читают по слогам – это, к сожалению, факт нашего времени. Факт нашей культурной действительности. Вот то, что Э.Л. Львова говорила по поводу ненормативной лексики, которая пронизывает наше бытие – но господа, а что же мы хотим? Что же мы хотим? Ведь если даже на самом благополучном с точки зрения всей аудитории канале «Культура» с экрана вещают устами Министра культуры о том, что без ненормативной лексики – там другие выражения – русская речь не полна! Прекрасно! Я понимаю, если бы Михаил Ефимович в нашей аудитории эту идею изложил, он нашел бы самых рьяных сторонников этой идеи, потому что мы это прекрасно понимаем, потому что филологи в состоянии понять это. Но когда эта идея бросается в массы, пусть даже не с самого народного телевизионного канала – то любой человек в троллейбусе, в автобусе, в метро, пользующийся этой ненормативной лексикой, обретает дополнительную почву для того, чтобы это продолжать.

И здесь, наверное, речь должна идти все-таки о том, что в принципе все то, что мы сегодня расхлебываем, есть результат той культурной политики, которая

формировала сегодняшнее состояние. Потому что ни олигархи, ни кто-то иной – вряд ли они виноваты в том уровне культуры, который мы сегодня имеем. Мы виноваты, конечно, во многом, наверное. Это отдельная тема для разговора, с той же ненормативной лексикой. Мы все восхищались в свое время речами нашего премьер-министра. Да? Да. И расходились по рубрикам анекдотов его летучие фразы, становящиеся афоризмами, но вот, с точки зрения той же ненормативной лексики, это ведь совершенно прилежнейшее стремление не употреблять эту самую ненормативную лексику. Потому что если вы в его языковые конструкции будете в нужных местах подставлять ненормативную лексику, то получится логическая, стройная, доходчивая, убедительная речь. То же самое о покойном генерал-губернаторе Лебеде можно сказать, что это – попытка переводить на нормальный с точки зрения его культурного уровня язык той самой лексики, которая присуща бывшему генералу-десантнику, и так далее, и тому подобное. Все результаты той культурной политики, которая долгое время определяла все наше бытие. И, конечно, только стены университетов влияли и продолжают влиять на эту картину. И совершенно верно в устах многих выступающих звучала мысль о том, что только мы своим каждодневным неблагодарным и низкооплачиваемым и любым другим трудом в состоянии влиять на эту ситуацию в положительном смысле. Не в разрушительном. А в каком-то созидательном.

Я возвращаюсь собственно к той теме, которая тоже уже многократно звучала, но которая была нам определена с Е.И. Дергачевой-Скоп для рассуждения на этом круглом столе – о таком интересном явлении, как отношение филологии ко всем техническим новшествам. И совершенно прекрасно А.И. Журавлева сказала фразу, которую можно в качестве афоризма тиражировать, о том, что любая техника – это только инструмент в руках человека. С этой точки зрения нам, гуманитариям, нам, филологам, конечно, небезразлично то, что происходит в окружающем нас мире. Но в какой степени мы должны быть включены в эти процессы, какова должна быть позиция нас, людей, которые занимаются классической филологией, а не компьютерными методами в лингвистике или литературоведении?

Это противопоставление – компьютер или книга – для нас, филологов, конечно, разрешается однозначно. Но самое удивительное, что точно так же, мне кажется, если прилагать какие-то одушевляющие свойства к некоторым процессам, процесс компьютеризации, идущий везде, тоже себя сознает именно как инструмент в руках человека, инструмент гуманитарного применения, человеческого использования. Эта дихотомия – компьютер или книга, традиционная бумажная книга или электронная книга – эта проблема была разрешена в тот самый момент, когда при помощи новейшего средства, новейшего инструмента, компьютерных технологий стали делать традиционную бумажную книгу. Вы знаете, что процесс изготовления книги при помощи компьютера выводит на совершенно новый технологический уровень весь рутинный, длительный, неповоротливый процесс изготовления бумажной книги. И вот с этой позиции мне представляется, что это противостояние немножко надуманное, искусственное, и совершенно очевидно, что мысль, что новейшие компьютерные технологии многих сегодня завораживают, привлекают и полностью изолируют от всего того многообразия человеческого опыта, человеческого знания, ограничивая только сиюминутными какими-то достижениями – она не совсем состоятельна. Конечно, если бы сейчас мы создали некий Комитет бедноты, потому что всюду у нас прорехи, всюду у нас пробелы, всюду недостаток средств, всюду мы чувствуем свою какую-то ущербность – так вот, если бы мы создали такой Комитет бедноты, то главным инструментом нашей деятельности наверно был бы компьютер. Потому что в условиях нашей бедности, когда мы не можем поехать столицы позаниматься в библиотеках, в архивах, когда мы не можем купить нужную книгу, потому что дорого, три книги – это зарплата профессора, в этих условиях, когда у нас разрушаются привычные комму-

никативные связи, – компьютер может сослужить добрую службу.

Мне хотелось сказать о некотором опыте, который имеет наш университет, наша кафедра в частности. Каждый год, проводя семинары по древнерусской литературе, мы сталкиваемся с одинаковыми проблемами, я думаю, это проблема для всех вузов актуальна. Скажем, должны штудировать студенты работу Д.С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси». Один экземпляр книги есть в университетской библиотеке. Два или три есть в ГПНТБ. Ну, может, где-то еще в какой-нибудь библиотеке в городе найдется. Но студентов-то не два-три человека. А с книгой может работать один человек. Тогда мы делаем электронную версию этого текста. Эта версия – или в виде записи на дискете, или вкладыш на сайте университетской библиотеки.

Филологи, мне кажется, должны над этими проблемами задуматься. Вместе с библиотекарями. Потому что эта проблема касается не только филологов, но и библиотекарей тоже. В нашей библиотеке, ГПНТБ Сибирского отделения РАН, которая считается одной из крупнейших на востоке страны, много лет перед нами стоит проблема, которую мы не сможем решить, если не будем прибегать к изготовлению электронных версий тех или иных текстов. Мы получаем пятый в стране обязательный бесплатный экземпляр, то есть наша библиотека расценивается как хранилище резервного экземпляра всей книжной продукции страны. И вот приходит книга. В единственном экземпляре. Потому что в течение последних нескольких лет мы не имеем возможности приобретать так называемые дублетные экземпляры к обязательному экземпляру. И вот на этот обязательный экземпляр, который мы должны по идее хранить как архивный, набрасывается несколько сотен студентов. Людей, не очень опытных в обращении с книгой, как мы знаем. Людей, которые книгу рассматривают как удовлетворение сиюминутной потребности, им не важно, архивный это экземпляр или то, что по прочтении всем курсом может быть выброшено, как ненужная вещь. (Этот прагматизм тоже любопытное явление в нашей жизни. Он замыкается не только в денежную сторону, но и в отношении людей к тем вещам, которые прежде считались возвышенными, если не святыми.) В результате библиотекари по прошествии месяца-двух использования книги решают проблему – реставрировать ее, затратив на нее во много десятков раз средств больше, чем стоит сама книга, или находить способ – на что тоже денег нет – компенсировать этот экземпляр каким-то образом. Мне кажется, в этом контексте использование компьютерной техники может сыграть совершенно исключительную роль.

То же самое касается и разрушающихся коммуникативных связей. Мы не можем достать какое-то издание, отечественное или зарубежное. Но есть фундаментальная филологическая библиотека, недавно открытая в Интернете, которую к стати организовывали два наших новосибирских выпускника. Она очень несовершенна до сегодняшнего дня, но в будущем мы можем все-таки увидеть что-то светлое в конце этого пути. И мне кажется, что если мы будем смотреть на это немножко не снобистски, то мы сможем использовать во благо своей филологической науки новейшие достижения компьютерных технологий.

Ф.З. Канунова:

У нас получился очень интересный круглый стол. Разговор получился о нашей университетской жизни, о философии нашего образования. О том, что нам делать и кто виноват. Можно отметить блистательные выступления Ю.Н. Чумакова, А.И. Журавлевой, поставивших проблемы вузовского образования в широкий культурно-исторический контекст. Это придало нашему обсуждению характер научного плана. В выступлениях Е.К. Ромодановской, З.И. Резановой глубоко акцентировались те проблемы литературоведения и лингвистики, которыми они непосредственно занимаются. Отсюда заинтересованный и научно конкретный стиль обсуждения.

Я бы выделила две главные проблемы обсуждения:

1. Собственно проблема вузовского преподавания, как она видится сегодня.
2. В связи с этим главным вопросом некоторые проблемы нашей современной действительности, так или иначе влияющие на нашу педагогическую деятельность.

Здесь главная проблема – книга и компьютер, и, конечно, наше существование в виртуальном мире, о чем блистательно говорил Ю.Н. Чумаков.

Выводы из обсуждения первой проблемы (и это прекрасно показала А.И. Журавлева): главная роль классических университетов – защита нашего фундаментального образования. Являясь собственно наукой, вузовская наука должна быть фактором уважения к существующей традиции. Я глубоко согласна с А.И. и пыталась говорить об этом в связи с горячим отстаиванием культурно-исторического метода в литературоведении.

Что касается вопроса «книга – компьютер», то здесь тоже очень много точно сказала А.И. Журавлева и развил В.Н. Алексеев. В борьбе с противопоставлением книги и компьютера он, опираясь на собственный богатый опыт, показал, в чем компьютер может помогать книге, технологию этой помощи.

Таким образом, вузовская наука сегодня – фактор фундаментального образования и уважения к традиции. Обращаясь непосредственно к студенческой молодежи, она несет огромный воспитательный, формирующий душу эффект. В этом ее главное назначение и стабилизирующий смысл для общества. Проблемы изучения вузовской науки, как показало наше обсуждение, – важнейшие в нашей деятельности.

Литература

Канунова Ф.З. Из истории русской повести (Историко-литературное значение повестей Н.М. Карамзина). Томск: ТГУ, 1967 а.

Канунова Ф.З. Из истории русской повести конца XVIII – первой трети XIX в. (Карамзин, Марлинский, Гоголь). Автореф. дисс... докт. филол. наук. Томск: ТГУ, 1967 б.